

Memory Notes **ТАКОЕ ВОТ КИНО...** Анатолий Канарский

Конечно, кино для довоенных и послевоенных мальчишек было главным и важнейшим из искусств. Кино в маленьких клубах, на улице с кинопередвижкой - киноаппаратом на автомашине, или на треноге на земле. Натянутая белая ткань – экран и показ фильма с остановками для смены частей – катушек киноленты из больших железных коробок.

Непрерывное кино из двух аппаратов я увидел только через несколько лет после войны уже в настоящем кинотеатре. Главный вопрос, который задавался глашатаю, сообщившему, что привезли кино, был: «А сколько частей?» Хотелось, чтобы их было побольше. 10-12- это хорошо и долго.

А 7-8 - это мало и заранее огорчало. Кино – всегда доставляло радость и хотелось, чтобы она длилась подольше. Тогда еще не придумали многосерийные фильмы и индийские радости нам были недоступны. Без особых огорчений смотрелись и немые фильмы. Главное – это кино!

Первые свои фильмы я смотрел на Дальнем Востоке, где служил отец и где я родился. Сеансы на улице, в военном городке, на натянутом на стене белом экране. Это было в конце тридцатых годов – война в Испании, бои у озера Хасан, на реке Халхин-Гол (все совсем рядом), «борьба» со шпионами. Почти в каждом фильме дети, девушки, инженеры, колхозники, пограничники ловили или разоблачали шпионов. Потом мы переехали в Стрельну, под Ленинград и опять в военном городке видели фильмы чаще всего о войне. С моим другом на всю жизнь и соседом по общей квартире Алькой Мартыновым, насмотревшись хроники о боях на зимней войне с Финляндией, мы устраивали танковые сражения в длинном коридоре нашей общей и первой квартиры. Забравшись под стулья и, подняв их сиденья как танковые люки (стулья были казенные и старые), мы гонялись друг за другом, отчаянно стреляя из пушек и строча из пулеметов. Нам было по шесть лет.

Мы вспоминали недавно с А.Мартыновым как мы смотрели «Чапаева». Мы жили тогда (весна-лето 1941 года) в Павловске, в военном городке. Сначала нас – детей пускали на детский сеанс, а потом, выходя после сеанса на улицу, мы встречали красноармейцев, входящих строем в зал. Мы пристраивались между ними и, счастливые, смотрели еще раз и два.

В Одессе, зимой 46-47, в разгар голода и бандитизма в городе и стране на выходе из кинотеатра у меня с головы сорвали новенькую солдатскую шапку, которую совсем незадолго до этого за бешенные деньги купила мне мама на базаре. И вспомнил я об этом особенно ярко в прошлом году, когда смотрел по телевизору фильм «Ликвидация». Об Одессе, о тех годах, о бандитизме в городе. Фильм начинается с того, что бандиты

ограбили склад военного имущества. И я сразу “понял”, что моя шапка с того самого военного склада и, может быть, у меня ее сорвали, чтобы замести следы. Какова завязка, а? Хотел написать об этом режиссеру фильма Урсуляку, чтобы он включил это в следующую редакцию фильма. Но пока не собрался.

А дальше увлекательнейший, колоритный сюжет о жизни в Одессе в то время, о борьбе с бандитами, о приезде Жукова в Одессу. И я тогда там жил, и видел Жукова на параде на площади Куликова поля три раза. Мы - мальчишки пристраивались, несколько раз обегая площадь, к колоннам демонстрантов и важно шли, пяля глаза на трибуну, на которой сиял орденами от погон до пояса маршал Победы, сосланный после войны Сталиным в Одессу командовать небольшим округом.

Следующая моя киножизнь протекала в Бобруйске, куда мы переехали весной 47 го. Это был недолго после войны областной город. Когда-то, при дележке страны детьми лейтенанта Шмидта, от Бобруйска никто не отказывался, он считался высококультурным центром. А в 21 веке на Пролетарской, на улице, на которой я жил в 47-53 г.г., около исторической водокачки соорудили скульптуру Шуры Балаганова с «блюдечком с голубой каемочкой» в руках. А после войны в городе располагался штаб округа, и стояла танковая армия генерала Катукова – героя обороны Москвы и взятия Берлина. В крепости и в городе было много воинских частей, и в каждой был клуб. В них, разными способами, можно было пробраться на киносеансы. Однажды, когда мы ватагой направлялись в крепость в кино, часовой, стоящий на крепостном валу, выстрелил в нашу сторону. Трассирующая пуля пролетела над головами. Что ему померещилось?

В городе был маленький узенький кинотеатрик «Пролетарий». Его название соответствовало его комфортности. Он был далековато от нас, и мы ходили туда только на какие-нибудь старые, известные фильмы. Так помню, как чуть не сломал кресло, трясясь и подпрыгивая от истерического смеха на фильме «Джорж из Динки - джаза».

Но был (есть и сейчас) и главный, большой кинотеатр в центре города с хорошим и нигде больше не встреченным названием «Товарищ». Там мы смотрели все. И наши новые фильмы, и «Индийскую гробницу», и «Девушку моей мечты», «Серенаду солнечной долины», все серии «Тарзана» и много других трофейных фильмов. Трофейные, видимо, потому, что это были захваченные у немцев фильмы, но, в большинстве своем, фильмы американские, английские и прочие. На «Тарзан» несколько раз нам удалось пролезть через взломанное окошко летней кинокассы. Потом мы прятались в туалете, а затем как-то растворились в зале.

Но особенно я любил фильмы о войне. Из них - особенно о военных

моряхах. Благодаря этому увлечению именно тогда у меня зародился интерес, скорее, сомнение в одном из атрибутов кино. А разгадка пришла гораздо позже. И это, пожалуй, главная мысль моего повествования или байки. Но об этом дальше.

В то время было модно в центре города за окнами магазинов и около кинотеатра помещать такие рамки с фотографиями под крупной иностранной надписью «АНОНС». Вообще, в переводе с французского это- объявление, извещение, предварительное сообщение о спектакле, сеансе... Здесь же этим иностранным словом привлекали внимание к кадрам из будущего фильма. Кадры были всегда самые привлекательные и захватывающие, я их внимательно изучал и с нетерпением ждал, когда увижу эти лихие атаки кораблей, этих замечательных людей – моряков в самых невероятных обстоятельствах. Короче, анонс своей цели добивался. Я был готов бежать на этот фильм и смотреть его несколько раз. Но, вдруг, с некоторых пор, я стал замечать, что не все кадры, которые я видел на фотографиях анонса, можно было увидеть на экране кино. И не находил этому ни объяснения, ни оправдания. И это обижало и подрывало доверие к кино.

Я еще не знал, что при монтаже не все кадры могут войти в фильм - по причинам качества, цензуры, может быть, и мало ли чего еще. Но разгадка была в другом.

Мне повезло. «Товарищ» был недалеко, но еще ближе, на нашей улице в соседнем квартале прекрасный зал Дома Офицеров, где каждый день, кроме понедельника показывали кино, спектакли и концерты приезжих знаменитостей.

Поэтому в кино я мог бывать почти каждый день, и бывал часто. Нужно было только иметь 25 копеек на билет. А мест по будням там всегда хватало. Вредная кассирша иногда “зжимала” дешевые билеты, мы старались быть первыми при открытии кассы, но не всегда это удавалось. Таким же любителем кино был и генерал армии в то время, дважды Герой Советского Союза Михаил Ефимович Катукоев. Он часто бывал в кино в Доме офицеров. Однажды я видел, как он сидел в зале в ряду, перед которым широкий проход. У него что-то было с ногой. Он сидел в генеральской форме с лампасами, а одна нога была перевязана и с галошей вместо сапога. Вот что значит любить кино.

Я не мог пропустить приезд в Бобруйск любимой всей страной киноартистки Любове Орловой. И стоял на ступеньках, когда генерал Катукоев терпеливо ждал, пока народ насмотрится на любимую артистку. Никто не приставал с просьбами об автографе.

Говорили, что Орлова и Катукоев были знакомы еще с обороны Москвы, с ее

фронтowych концертов и он пригласил ее в гости после концерта.

В 1954 году меня призвали в армию. На этот раз судьба была благосклонна ко мне и, к большой радости, я попал служить в Ленинград. Столько связано с этим городом! В этом городе дважды был на учебе мой отец- комиссар Красной Армии, зам. командира арт. полка, который при обороне Ленинграда пропал без вести при выходе из окружения под Лугой. Перед войной мы недолго жили в Стрельне и Павловске и вернулись туда ненадолго после эвакуации в Сибирь. Я ездил поступать в Ленинград в институт (неудачно). Позже, мой сын, призванный на флот, проходил учебу в учебном отряде в Ломоносове. И еще многое другое. И вот мне повезло три года служить в центре города.

58-й Отдельный полк связи Военной Краснознаменной инженерной академии связи им. С.М. Буденного. Размещался он в квартале от Литейного проспекта и моста. Старинное четырехэтажное здание казармы выходило на ул. Салтыкова-Щедрина (до революции и сейчас - Кировскую). Слева и справа - ул. Маяковского и Восстания. С тыла - Манежный переулок. По переулку мы маршировали на строевой подготовке, топали под громкое орание песен перед сном на вечерних прогулках. По Маяковского на утренних пробежках мы иногда добежали почти до Невского проспекта. А на строевые занятия в полковой школе нас водили к Летнему саду и на площадке, около Художественного училища им. В.Мухиной мы постигали первые азы строевой подготовки. «И в Летний сад гулять водил!» В наших казармах до революции размещался жандармский полк. Заднюю часть двора замыкало собой длинное одноэтажное здание – бывшие конюшни. У нас в боксах там стояли автомобильные радиостанции и другие машины связи. На верхних балках еще кое- где сохранились клички лошадей.

В части был клуб, напротив кинотеатр, рядом - Дом офицеров. В увольнении можно было сходить и в другие кинотеатры города. Мы бывали во многих театрах и музеях, ходили на встречи с артистами. Культурной жизни хватало. Кроме того, все воинские части Ленинграда по очереди назначались дежурными по гарнизону, а от части каждый раз дежурило новое подразделение. И этому подразделению, доставшееся дежурство по городу, могло запомниться больше, чем любой фильм, спектакль или музей. Чего там только не было. Вот только то, что хорошо запомнилось. Неоднократно попадали на городские овощные базы перебирать овощи. Несколько раз участвовали в отдании воинских почестей с салютом при похоронах на различных кладбищах города, или отправке на родину умерших или погибших на службе солдат, офицеров и даже генерала. Аврально разгружали и складывали в штабеля на протяжении почти суток здоровые плахи дров для города в Лесном порту. Несколько раз были в карауле на легендарной гауптвахте на ул. Садовой. Там было два "зверя" - старшины. Сухопутный имел кличку Карабас, морской - Бармалей. Или наоборот. Там, говорят, сживал Лермонтов и Чкалов. А мне "не повезло". Когда меня сопроводили туда на пять суток, там не оказалось мест. Пришлось отбывать на губе-новостройке где-то за городом, в Медвежьем стане. Так называлось это романтическое место моего заключения. Но я не в обиде - я всегда любил посещать новые места. Один раз мне довелось быть в ночном карауле в Ленинградской военной прокуратуре - дом за знаменитым в городе «Серым» домом КГБ. Незабываемое впечатление... В ночь с 31 декабря на 1 января 1957 года

в тулупе и с карабином на ремне я ходил по Петропавловской крепости, охраняя кинобазу Ленинградского военного округа. Вот- опять кино! Три раза летом и зимой мы работали с радиостанциями в контрольных пикетах на первых в стране соревнованиях по спортивному ориентированию. Зимой – в районе Кавголово. Летом - где-то на Карельском перешейке. Тоже не обошлось без приключений. Один раз ночью перед парадом 7 ноября наносили импортным спиртовым обувным лаком разметку на Дворцовой площади. Израсходовали целый грузовик белого и красного лака и хорошо «надышались». И это только то, что запомнилось. А ведь была еще служба, учеба, различные ученья зимой и летом в лесах и снегах, обучение на технике связи слушателей Академии - офицеров всех стран Варшавского договора и дружеских стран, патрулирование на Финляндском вокзале, солдатские будни и концерты самодеятельных и приезжих артистов в клубе. Запомнились учения, на которые мы выехали в Пушкинские места, проехали, так знакомые по школьной учебе, Пушкинские горы. Наша машина притормозила, и мы успели забежать на холм и обойти могилу поэта. А потом целую неделю стояли в лесу недалеко от Михайловского. Днем и ночью с большим трудом пытались поддерживать связь - было очень плохое прохождение радиоволн. А вернувшись в Ленинград, я прочел в газете, что в эти дни были сильнейшие магнитные бури на солнце и не работали даже магистральные радиоканалы.

Но вот наступил 1957 год- год сороковой годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции. Вся страна готовилась, а киностудии страны должны были выдать очередные киношедевры про революцию. Однажды вечером нам объявили, что завтра наша рота будет участвовать в съемках фильма «Степан Кольчугин» по книге Василия Гроссмана. До сих пор не прочел эту книгу. Мы будем изображать царских солдат, разгоняющих забастовщиков в Донбассе во время революции 1905 года. Съемки завтра на Пулковских высотах. Это около двадцати километров южнее Ленинграда. На дворе январь или февраль промозглой и противной ленинградской зимы.

Во что

одевали солдат в то время, до него и еще много лет? Суконная шинель на все времена года, х./б. штаны и гимнастерка–то же на все сезоны, тонкие фланелевые портянки, кирзовые сапоги, нижнее х./б. белье, отличающееся зимой от летнего только тем, что было немного плотнее, шапка – ушанка из искусственного меха. Такую у меня сорвали в Одессе. Для хоз. работ и внутри части одевали бушлаты - короткие куртки на вате, которые ценились при демобилизации гораздо лучше шинелей.

Весь вечер мы готовились к завтрашней съемке. Перешивали погоны, снимали эмблемы, меняли бляхи на ремнях на царские с орлами, примеряли фуражки - бескозырки и башлыки – капюшоны с длинными ушами, которые зимой одевались на бескозырку и хвосты обматывались вокруг шеи. Ушанок при царе не было. Известно, что в конце царствования были придуманы, похожие на древние, медные, суконные шлемы с шишаками и широким

воротом, застегивающимся на горле.

Их называли «богатырьками», но не успели использовать. Грянула гражданская война, на шлемы нашили синие звезды, наверх красные и назвали «буденовками». Так они прослужили до финской войны, после которой их заменили ушанками. Говорят, шишаки даже ночью очень демаскировали красных бойцов - издали было видно кто идет или скачет. Да и грели они плохо.

Утром, после завтрака нам выдали винтовки- трехлинейки образца 1891/30 года с четырехгранными штыками. Некоторые успели сфотографироваться у стен казармы. Затем на крытом «Студебеккере» нас отвезли на Пулковские высоты. Голое, продуваемое зимними ветрами место. Зябко. Там мы увидели несколько недостроенных одноэтажных зданий, дрова, сложенные в высокие поленницы, стога сена, полосатую караульную будку, фургон киностудии, аппаратуру, осветительные приборы. Кучка гражданских разных возрастов, киношники. Нас было человек двадцать. Нам объяснили содержание кадров, которые предстояло снять. Гражданские – это забастовщики. Мы – «царские» солдаты.

С винтовками наперевес, с примкнутыми штыками, по команде режиссера мы наступаем цепью и тесним забастовщиков. Они отступают. Потом, почему-то, разворачиваются и, размахивая палками, наступают на нас. Мы тоже разворачиваемся и убегаем. И так неоднократно бегали по снегу туда и обратно. С большими перерывами на подготовку аппаратуры, осветителей и указания режиссера. Время от времени киношники забегают в вагончик погреться (и не только чаем). А мы мерзнем. Бегая за гражданскими туда – сюда начинаем понимать, что спасение в том, что нужно быть ближе к аппарату, чтобы скорей выбежать из кадра, или как можно дальше к концу цепи, чтобы убежать и спрятаться за стогами. Это же понимают и опытные «массовщики» – студенты, пенсионеры. И время от времени солдатики, убежав из кадра за стога, братаются с забастовщиками, вместе перекуривают и беседуют о жизни. Некоторые из гражданских имеют опыт неоднократных массовок, записаны в картотеку «Ленфильма» и приглашаются на съемки. За день съемок им платили по тридцать рублей. А если поручат сказать несколько слов, то и сорок. Они с удовольствием рассказывали об участии в съемках в разных фильмах. Рядовому солдату тогда платили 30 рублей в месяц. Правда, я уже получал 150. 100- как начальник радиостанции и 50, как радист первого класса.

Наконец, кончилась эта беготня. Мы еще успели несколько раз сфотографироваться. Незабываемые фото «царских» солдат. Но оказалось - это еще не все. Нужно было еще снять кадры для рекламы. Нас расставили за поленницами – баррикадами. Положив винтовки на дрова, мы куда-то старательно целились, а перед баррикадой на коне гарцевал, размахивая

саблей, артист в форме офицера царской армии. Офицер, как нам показалось, хорошо «заправился» в вагончике так долго ожидая съемку.

Вот так, оказывается, снимаются кадры для рекламы и фотографий «анонса», которые так разочаровали меня в детстве. Они снимаются отдельно и могут быть не связаны с сюжетом фильма! Это я понял окончательно. Кончилось мое детское кино...

Мы вернулись в часть. Конечно, никто из нас не думал об оплате нашего участия в съемке. Нам было достаточно и того, что мы снимались в настоящем кино и скоро мы и все увидят эти «замечательные» кадры.

Через несколько дней всех участников съемки построили и нам сказали, что за участие в съемках нам положено по тридцать рублей каждому. Но киностудия, почему – то, не имеет права выплатить эти деньги каждому из солдат лично, а предлагает купить что-нибудь для коллективного пользования. Какие будут предложения? Возникло предложение купить для роты электропроигрыватель пластинок. Тогда это была мечта очень многих. Но мнения разделились. Те, кому предстояло служить еще год - два, поддержали эту идею, а те, кто скоро (через полгода) собирался домой, встретили предложение прохладно. Тем не менее, предложение приняли и стали ждать.

Прошло некоторое время... Нас опять построили и сказали, что киностудия не может купить одну вещь на всех и предлагает каждому купить на тридцать рублей какую-то нужную вещь. Например, по авторучке. Ну что ж, авторучка тоже в то время была не лишней и мы, хоть и без энтузиазма, согласились.

Прошло много времени. Вопрос об оплате или подарках от студии больше не возникал, да мы никогда его и не задавали. Не то время было, «не в деньгах счастье». Главное, что мы участвовали в таком редком деле – в съемках кино и ждали, когда увидим эти выстраданные на холоде кадры.

Прошла весна, наступило лето. Осенью нам в лагерь привезли готовый фильм, который еще никто не видел. С волнением и гордостью за причастность к съемке фильма к юбилею Революции мы собрались в клубе части. Не очень внимательно мы следили за сюжетом фильма – не пропустить бы главные кадры. К сожалению, нам никто не рассказал, что мы можем увидеть. И то, что мы с трудом заметили, нас сильно разочаровало. Две или три секунды на экране мелькнули фигуры солдат, ничего и никого знакомого мы не успели заметить... Разочарование было очень сильным...

Но осталось несколько фотографий - замерзшие солдаты «царской» армии в бескозырках и башлыках с трехлинейками в руках, и лица товарищей, которые не забываются. И право, иногда в шутку, вспоминать среди родственников, друзей или сотрудников: «Помню, когда я снимался на «Ленфильме...» И это тоже немало! Такое вот кино!

Вместо P.S.

Прошло несколько лет, и я вспомнил - а ведь и самое главное, пожалуй, в моей жизни тоже связано с этим словом – кино...

После армии я работал на заводе им. Орджоникидзе. Вначале это был завод математических машин, потом - счетных и затем –вычислительных. Я был слесарь – инструментальщик 5 разряда. Поступил на вечерний факультет политехнического.

В политехническом на машиностроительном, вечернем факультете народ был совершенно разный. И «солидные» мужики- разного калибра начальники, и рабочие, вроде меня, и молодежь - только недавно из школы, и люди, имеющие образование и меняющие профессию. Было несколько девушек. Была среди них и Лера Баранецкая. Год назад она окончила школу и работала на тракторном. Как- то в январе (24.01.61 г.) у нее был день рождения- 20 лет, и Лера пригласила троих ребят из группы к себе домой. И меня в их числе. В холодный, зимний день мы долго ходили в поисках подарка. Тогда это была проблема. Но книги в то время еще были лучшим подарком и мы, после долгих поисков, купили толстенный том «Искусство миллионов. Советское кино 1917- 1957». Юбилейное издание к 40 -летию революции. Как и «мой» фильм. Только сейчас это заметил. Купили и стали добираться в гости. Это далеко от центра – в район тракторного завода. И всю дорогу пытались придумать что-нибудь умное для надписи в книгу. Крутили разные варианты – ничего путного в голову не лезло. Все хотелось связать с кино, но лезли одни пародии на лозунги. Было и такое: «Кино - важнейшее искусство. Оно воспитывает чувство». Или: «Из всех искусств- важней кино. Оно на радость нам дано». Но все не нравилось. Примитивно, да и все около слов Ленина.

Уже на лестнице дома, куда мы пришли, карандашом я написал:

«В кино тепло, по крайней мере.
На память, в день рожденья, Лере!»

Конечно, крутился и вариант со словом «темно». Но это было еще не актуально... Поженились мы ровно через два года. А после третьего курса вместе перевелись в только что открытый радиотехнический институт...

Эта книга хранится у нас дома до сих пор. А еще через много лет, на 50 -летие Леры я повторился:

«В кино тепло, по крайней мере...»
Я написал когда-то Лере.
Все очень изменилось в мире.
Уже давно - теплей в квартире».

А еще через десять лет вышло вот что. Уже серьезней и не очень складно:

«Вот уж годы прошли, пролетели, проплыли, проехали.

Как деревья в окне, словно кадры в любимом КИНО.

Но надежда живет, что не все мы успели и сделали,

И устать от дорог нам с тобою еще не дано».